

Дуань Юньшэнь шёл по дороге, искренне благодарный за сложный и роскошный наряд. Если бы он был одет в серую, простую одежду на фоне этой сцены, он, вероятно, стал бы самым позорным демоническим наложником в истории.

Когда Дуань Юньшэнь издали увидел тирана, его шаги невольно ускорились.

Хотя вчера он пострадал, но, в конце концов, это был его собственный лис, и, глядя на него издали, он чуть ли не хотел вырастить крылья, чтобы быстрее добраться до него.

Цзин Шо сидел в инвалидном кресле, наблюдая, как тот человек шаг за шагом приближается к нему, всё быстрее и быстрее, словно его шаги сами по себе стали лёгкими и радостными.

Он вдруг вспомнил, как Дуань Юньшэнь говорил, что перед ним только один путь — к нему, и больше ни к кому другому.

Когда Дуань Юньшэнь подошёл к Цзин Шо, он несколько секунд смотрел на лицо тирана, не потому, что был очарован его красотой или застыл в изумлении, а просто потому, что ему казалось, что они давно не виделись, и он хотел взглянуть ещё раз.

Хотя они виделись прошлой ночью, но при лунном свете всё казалось не таким чётким.

Цзин Шо также смотрел на него.

После этого Дуань Юньшэнь начал кланяться, но, едва начав это движение и произнеся первые слова, Цзин Шо остановил его:

— Любимая наложница, поднимись, я заставил тебя страдать.

Дуань Юньшэнь: ?

Слова Цзин Шо были правильными, но тон и формулировки были странными.

Дуань Юньшэнь провёл с Цзин Шо достаточно времени, и, более того, в последнее время Цзин Шо был почти откровенен с ним, не притворялся.

Поэтому Дуань Юньшэнь сразу понял, что тон Цзин Шо был слишком официальным, звучал как у бессердечного тирана в исторической драме.

Это он снова вернулся к своему образу тирана перед всеми этими людьми?

Должен ли я тоже быть профессиональным, как подобает демоническому наложнику?

— Уууу, Ваше Величество — я так скучал по вам!

Цзин Шо, державший его за руку, застыл, взглянув на Дуань Юньшэня.

Дуань Юньшэнь подумал, что эффект хороший, можно продолжать.

— Я думал, что больше никогда не смогу служить Вашему Величеству! Когда я думал, что могу тихо умереть здесь, и больше никогда не увижу вас, моё сердце... ах... так болит!

Цзин Шо спокойно ответил:

— Я рад, что у моей наложницы такие чувства. Впереди ещё много времени, и возможностей

служить будет достаточно.

Дуань Юньшэнь чуть не прикусил язык.

... Не нужно было так, я просто сказал это вскользь.

Боль от вчерашнего «служения» ещё не прошла!

Цзин Шо осмотрел Дуань Юньшэня:

— Моя наложница, кажется, похудела.

Дуань Юньшэнь подумал: этот образ ещё не закончен?

Но на словах он ответил без заминки:

— Я день и ночь переживала, что больше не увижу Ваше Величество, и это привело к потере веса.

Все свидетели из Палаты Дали: [Если мы совершили ошибку, нас накажет закон, а не заставит стоять здесь и терпеть это мучение!]

Цзин Шо спокойно сказал:

— Моя наложница добра, но, по моему мнению, тоска не всегда приводит к потере веса, вероятно, моя наложница страдала в Палате Дали.

Дуань Юньшэнь, лучше всех знающий Цзин Шо, услышав это, на мгновение замер.

Почему этот тон звучит так угрожающе? Как будто надвигается буря.

Цзин Шо, держа руку Дуань Юньшэня, заявил:

— Палата Дали плохо обращалась с моей наложницей, из-за чего она похудела, это преступление.

Все в Палате Дали, которые ещё секунду назад с трудом терпели эту маслянистую встречу тирана и демонической наложницы, теперь уже стояли на коленях, сердце колотилось в горле.

За одно мгновение спина промокла от пота.

Цзин Шо был тираном.

Непредсказуемым, жестоким и злым.

— Те, кто в последние два дня подавали еду и чай моей наложнице, будут выведены и казнены.

После этих слов наступила полная тишина.

Глава Палаты Дали Суй Мэн даже не смел дышать.

Действительно, кто-то отравил чай Дуань Юньшэня.

Суй Мэн не сам организовал отравление, но он позволил этому случиться.

Цзин Шо, видя, что все молчат, с удивлением спросил:

— Что, ждёте, пока я сам всё сделаю?

Тогда стражники, сопровождавшие Цзин Шо, выступили вперёд и потребовали у Сюй Мэна выдать людей.

Под пристальным взглядом тирана Сюй Мэн не осмелился защищать виновных, вызвал ответственного за это управляющего, уточнил, кто именно из слуг был причастен, и передал их стражникам для казни.

Цзин Шо, держа руку Дуань Юньшэня, сказал:

— Пойдём, моя наложница, вернёмся во дворец.

Дуань Юньшэнь и Цзин Шо сели в карету, направляющуюся во дворец, и Цзин Шо начал выглядеть более нормально, по крайней мере, не таким мрачным, как раньше.

Дуань Юньшэнь постоянно поправлял одну из заколок в волосах, которая качалась в карете, вызывая у него почти навязчивое желание её убрать.

Цзин Шо, не выдержав, вытащил заколку из его волос.

— Если убрать это, будет ли выглядеть странно?

Не будет ли это несоответствующим, асимметричным.

— Их не убили сразу, стражники уведут их для допроса. Если это не те слуги, кто отвечал за еду, то их не казнят, а начнут тайное расследование.

Дуань Юньшэнь замер.

— Моё беспокойство было так очевидно?

— Видно, что моя наложница старалась скрыть это.

Дуань Юньшэнь понимал, что Цзин Шо сделал это ради него, поэтому не стал ничего говорить.

Просто, посмотрев слишком много исторических драм, он не мог не думать о многом. Если бы их сразу казнили, а они были бы всего лишь инструментами в руках других? Или, может, они просто доставляли еду, не зная, что она отравлена?

Неожиданно тиран оказался таким внимательным, и в этот момент Дуань Юньшэнь почувствовал тепло в сердце, чуть не бросившись обнять его.

Но, посмотрев на Цзин Шо несколько секунд, он всё же сдержался.

Он смотрел, как Цзин Шо играет с заколкой, и вдруг, словно в голове что-то щёлкнуло, спросил:

— Ваше Величество, как вам мой сегодняшний наряд?

Цзин Шо даже не взглянул, просто сказал:

— Приемлемо.

Дуань Юньшэнь: Эээ??!

Это звучало знакомо.

Дуань Юньшэнь потянулся за заколкой в руке Цзин Шо, но тот слегка отстранился, и Дуань Юньшэнь не смог её взять, зато схватил Цзин Шо за бедро.

Цзин Шо нахмурился, словно сдерживая боль.

Дуань Юньшэнь: ?

Дуань Юньшэнь с беспокойством спросил:

— Ваше Величество, ваша нога... что случилось?

Вчера же он не был ранен?

Случилось что-то по дороге во дворец?

Тут Цзин Шо посмотрел на Дуань Юньшэня.

— Вчера в Палате Дали, перед тем как увести тебя, ты сделал кое-что — похоже, ты не помнишь?

Дуань Юньшэнь: ?

Дуань Юньшэнь: !

Он вспомнил, что боялся, что Цзин Шо сбежит, и он не сможет доказать его истинную сущность, поэтому решил оставить на нём след.

Тогда, когда стража Палаты Дали была рядом, Цзин Шо прижал его к себе, притворяясь, что душит, а он, чтобы не привлекать внимания, незаметно протянул руку за спину и ущипнул Цзин Шо за бедро.

Чтобы след остался, он ущипнул... довольно сильно.

— Вспомнил?

— ... Ага.

Цзин Шо положил заколку:

— Раз уж зашла речь, может, мы разберёмся с этим долгом?

Дуань Юньшэнь: ?????

События развивались слишком быстро, и Дуань Юньшэнь просто застыл на месте.

Что значит «раз уж зашла речь» и «разберёмся с этим долгом»? Это значит, что ты сам напросился на это, да?

Мы же братья, и ты сразу стреляешь?!

Я разве не твой самый любимый маленький ребёнок?

— Ладно, я знаю, что нет, ты любишь только свою первую любовь!

Дуань Юньшэнь в замешательстве, его рука всё ещё лежала на бедре Цзин Шо.

Только что он беспокоился о его ноге, а теперь думал, не пострадает ли его собственная поясница!

Дуань Юньшэнь обдумывал, как естественно и незаметно убрать руку с бедра тирана и отвлечь его внимание.

Цзин Шо уже чувствовал, как рука Дуань Юньшэня осторожно пытается убраться с его бедра, но не стал ему мешать, просто наблюдал.

Дуань Юньшэнь: ...

Не думай, что я испугаюсь, если ты так на меня смотришь, я тебе скажу, я уже не тот, что раньше, я очень смелый!

Познакомься с Ньюгулу-Юньшэнем!

...

— Я виноват, ах.

Ньюгулу-Юньшэнь заявил, что мудрый человек знает, когда нужно сдаться, это не трусость, а способность правильно оценить ситуацию и действовать разумно!

<http://bllate.org/book/16211/1455912>